

ну градацию: новизна в окружающем мире, новизна во внутреннем мире (психике), новизна в собственном организме. Таким образом, получается двенадцать разновидностей новизны. Пожалуй, к этому можно добавить еще одну: новизна значимая и новизна незначимая. Но все же, она скорее производна от значимости того, что воспринимается нами как новое или не-новое, чем от степени его собственно новизны.

Путь познания –
превращение нового
в известное

Мы уже говорили, что новизна и значимость – две разные категории оценки индивидом чего-либо, причем новизна – преходящее и более того – быстро исчезающее качество, а значимость – устойчивое, поскольку значимость «выходит» на наши потребности. Потребности же – постоянный фактор бытия. Формируются и развиваются они постепенно, исчезают (вторичные) редко, а базисные – никогда. Превращение нового в не-новое (известное!) – магистральный путь познания окружающего мира и удовлетворения наших потребностей. Как бы мы ни жаждали нового, как бы к нему ни стремились, *свою жизнь мы поддерживаем за счет не-нового, но значимого*: это – самое ценное, чем мы располагаем!

Павел Тюрин

ИНЦЕСТ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ПОИСКА ЛИЧНОСТИ

Инцест как
кровосмесительная
связь

Сексуальное использование детей в семье в последнее время становится социальной и психологической проблемой. Во многом это объясняется распространением либерального взгляда на нестандартные сексуальные ориентации в целом. Несмотря на противоправный характер кровосмешения, в США получили широкую известность биопсихологические доктрины, утверждающие, что инцест не причиняет ощутимого вреда обществу и отдельной личности и преследуется лишь в силу этических соображений; бороться с ним бесполезно. Наказание за совершение кровосмешения может причинить лицам, участвующим в нем, больше вреда, чем сами подобные связи; воздержание от вступления в инцестные отношения может оказать отрицательное воздействие на взаимоотношения внутри се-

мы и т.п. [1]. Активисты либерального отношения к педофилии вообще полагают, что «педофилия составляет почти нормальный компонент сексуального импульса», что «мы педофобы, потому что конституционно педофилы»; что необходимо признать права ребенка на сексуальное удовлетворение и пересмотреть возрастную границу, когда ему позволяется самостоятельно вступать в сексуальные связи, понизив его вплоть до 10 лет (поскольку предполагается, что у ребенка до четырех лет умственные мощности недостаточны для принятия самостоятельного решения; но в возрасте с 4 до 10 лет не следует игнорировать сексуальные желания ребенка, однако их необходимо согласовать с мнением его родителей на этот счет); что закон не должен вмешиваться, если ребенок «находит взрослого приятным», и его желание вступить в сексуальный контакт с ним добровольно; что проблема педофилии не в сексе, а в насилии над ребенком, и т.п. [2]. Утверждается, что в инцесте есть определенные плюсы – в нем нет враждебности, обычно он краткосрочен и потому может служить мостиком, мягким переходом к сексуальным отношениям с «чужими» и т.д.

Хотя отношение к близкородственным сексуальным связям в различных культурах носит преимущественно запретительный характер, для некоторых персонажей инцестного поведения (в основном мифологических) допускаются исключения в виде оправдания нарушения запрета или попросту его игнорирование. Несмотря на общую недопустимость инцеста, заметно стремление избежать категоричности запрета на проявление сексуального внимания к «своим вообще», не настаивать на «сексуальном изгнании» из семьи. Опасение чрезмерности требований экзогамности может быть косвенно связано с тем, что жена, происходящая из чужого рода или общины, всегда в той или иной степени остается чужим человеком, носителем некоей угрозы и сомнительной верности [3].

Причины инцеста

С другой стороны, неустранимость кровосмесительной связи из человеческой истории побуждает вновь и вновь обращаться к исследованию причин, к ней подталкивающих. Необходимо попытаться увидеть человека не в слабости, а в силе соблазнов и оправданий, ведущих его к инцесту, тем более, что психолог «должен обладать пластической способностью перемещать себя в другую, странную и даже чуждую перспективу мира... Только так он может достичь понимания экзистенциальной позиции пациента» [4]. Кроме того, как отмечает Е. Бронгерсма, масса публикаций по данной проблеме указывает на их причаст-

ность к недоказанным гипотезам и предположениям, несет на себе отпечаток идеологических установок авторов, искажающих действительность, и, «кажется, будто родились в другом мире, где лаборатория и теория остались за пределами реальной жизни» [5].

Причины запрета инцеста более или менее убедительно сформулированы: с биологической точки зрения – повышается риск рождения генетически дефектного потомства (однако значимость этого аргумента становится относительной, если учесть успехи медицинской генетики и т.п.); с социологической – ограничиваются внешние связи группы (рода), разрушается семейная сплоченность, теряется четкость социально-ролевой структуры общества; с точки зрения культурной – инцест обнаруживает ряд сходных признаков с сексуальным самоудовлетворением, сопоставим и даже уподобляется гомосексуальному поведению, причем не как случайной или временной форме сексуальных отношений, имеющей обрядовый или воспитательный смысл, но претендующей на равноправность с традиционными.

Стержневая константа психики человека в ортодоксальном психоанализе

Причины же, приводящие к нарушению запрета инцеста, описаны менее связно. Ортодоксальный психоанализ, утверждающий Эдипов комплекс в качестве стержневой константы психики человека, по сути, объясняет тяготение ребенка к матери самим фактом его рождения ею, эффектом импринтинга, кормлением грудью и эгоистическим (завистливым) стремлением мальчика «быть с мамой на том месте, где папа»; почти то же самое с комплексом Электры – «быть с мамой/мамой на том же месте папы». З. Фрейд в поисках причин, побудивших общество запретить внутрисемейные сексуальные контакты, был вынужден выйти за рамки биопсихологических категорий и обратиться к мифологии и мистике (вина, совесть, раскаяние...), хотя в целом выбор им был сделан не в пользу «будущности одной иллюзии». К.Г. Юнг, между тем, писал: «Инцест для меня лишь в отдельных случаях представляет собою буквальное отклонение. В большинстве же случаев инцест нагружен в высшей степени религиозным содержанием, почему, собственно, эта тема играла такую важную роль во всех космогониях. Но Фрейд, цепляясь за буквальный смысл, не желал символическую суть» [6]. Инцестную тему К.Г. Юнг в целом называл «психологической космогонией» [7].

Тяготение отца к дочери

В многообразии случаев инцестного поведения тяготение отца к дочери – один из наиболее интересных и сложных, особенно если представить феномен инцеста отец-дочь без примесей провоцирующих житей-

ских обстоятельств, так сказать, в «чистом виде»; тогда может оказаться, что силой, превосходящей аргументы биологической и социальной целесообразности запрета, будут соображения экзистенциального свойства. Речь идет о тех случаях инцеста, когда механизмы поведения «эдипова происхождения» не просматриваются, но складывается впечатление, что влечение отца к дочери вызревает как результат продуманного и пережитого, обретая статус философского кредо, сверхценной идеи. В частности, Ж.-П. Сартр считал, что не сексуальность определяет действия человека как свободного существа, но его абсолютная свобода «символически» выражается в сексуальности и выступает по отношению к ней как определяющая сила [8].

Известно также, что сексуальное использование ребенка нередко выступает проявлением несексуальных потребностей человека: например, сексуальное насилие случилось потому, что ситуация сложилась так, что нападающему в состоянии стресса именно таким образом оказалось проще (и менее опасно) избавиться от напряжения и почувствовать себя лучше [9].

Проблема выбора особого – инцестного – сексуального объекта может вырасти до значения важнейшей жизненной задачи человека при условии, если действуют три основные тенденции.

1. Поиск целостности личности через преодоление половой специфичности (мужской и женской частичности) – расщепленности человека, обусловленной, в частности, половой дифференциацией. Библейская история о происхождении человека: «И сотворил Бог Человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27) нередко трактуется как создание первичной двуполости Адама («Адам» на иврите означает «человек», «люди»), из тела которого потом извлекается, точнее, изымается, Ева. Адам перестает быть целостным без Евы – той самой части, которая прежде была частью его целостности.

2. Отсутствие целостности, обнаружение какой-то нехватки для себя чего-то переживается человеком как одиночество, оставленность, брошенность... – как отсутствие общения с Другим. Ж. Лакан писал, что «либидинозное напряжение, вынуждающее субъекта к постоянному поиску иллюзорного единства, постоянно выманивающего его выйти из себя, несомненно связано с той агонией покинутости, которая и составляет особенную и трагическую судьбу человека» [10]. Подлинно человеческое общение стремится к личностному общению, которое, в свою очередь, стремится к интимному

Тенденции
инцестного
тяготения

Расщепленность
половой
дифференциации

Отсутствие
одиночества
и жажда
бессмертия

Противоречивость
любви

общению как к своему пределу, т.е. к слиянию в любовных отношениях с Другим. Платон потому и считал, что любовь – это жажда целостности и бессмертия.

3. О диалектической противоречивости чувства любви Г.В.Ф. Гегель писал: «Подлинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом «я» и, однако, в этом исчезновении и забвении впервые обрести самого себя и обладать собою» [11]. Но это невозможно, утверждает Ж.-П. Сартр, поскольку любовь изначально противоречива, так как в ней сталкиваются два взаимоисключающих желания. Если я хочу, пишет Ж.-П. Сартр, чтобы Другой меня любил, то это означает, вместе с тем, что я хочу, чтобы Другой хотел, чтобы я его любил. Смысл любви заключается в присвоении себе свободы Другого, поэтому, когда я требую от другого любви, я тем самым требую от него невозможного – хочу, чтобы у него тоже возникло желание отнять мою свободу. В лучшем случае в любви достигается единение плоти, но сознание остается незатронутым в своей свободе, а потому смысл любви остается недостижимым. В этом конфликте источник извращенных форм любви – садизма и мазохизма как стремления устранить дистанцирующую свободу Я и Другого, добиться слияния с Другим. Но даже если Другой унижается перед своим мучителем, то он становится несвободным только в своих словах; главное проявление его свободы – его взгляд (в том числе мысленный взгляд), в котором он знает бытие своего мучителя и тем самым дистанцирует его от себя [12].

Самая общая и коренная проблема мысли, говорил А.А. Ухтомский, заключается в так называемой коррелятивности (или тождестве) субъекта и объекта. Человек счастлив лишь там, где он со своими желаниями и мир со своей фактической настоятельностью – одно; многие люди «приходят к своей радости лишь там, где им удается так неразрывно согласовать свое внутреннее с действительностью, что бывает уже и нельзя сказать, он ли подчинился действительности или действительность подчинилась ему» [13]. Поэтому нехватка в себе другого пола может переживаться личностью как врожденная неполноценность, которая должна быть так или иначе преодолена.

Стремление
к целостности

Гипертрофированное стремление к целостности может стать предпосылкой возникновения патологической коллизии – инцеста. Конфликт любви человек, склонный к инцесту, пытается решить по типу построения ленты Мебиуса – специфического трехмерного объекта, имеющего только одну поверхность (его

одна-единственная сторона, оборачиваясь вокруг себя, приобретает значение двусторонности); одно порождает другое и возвращается в него же, как будто имея собственные стороны существования.

Это стремление к целостности, в условиях сартровской противоречивости любви, может обуславливать поиск сексуального объекта, обладающего свойством бесспорной взаимной связанности, который создаст хотя бы видимость требуемой полноты. Таким безусловным объектом может быть прежде всего он сам – отраженный и умноженный в образе дочери. Аргументы в поддержку преодоления инцестного запрета он может находить хотя бы в таких утверждениях: «...тайна разврата – тайна разъединения, распада, раздора, вражда в поле. Тайна соединения не может быть развратна» [14], «...по обыденным представлениям развратом называются недозволенные формы соединения полов, в то время как развратно именно отсутствие соединения...» [15].

Поиск смысла
существования

В. Франкл считал, что человек нуждается в «чем-то таком», ради чего он живет, и что потребность в смысле является для большинства фактом, а не слепой верой. Это есть стремление к встрече с достоверным и подлинным в человеке, в частности, к такой жизни, которая была бы настолько значительна, насколько возможно [16]. Задолго до В. Франкла А.А. Ухтомский вывел афористическое суждение: «Жизнь есть требование от бытия Смыслами Красоты» [17]. Потребность в осмысленности существования, а следовательно, в обретении личностной значимости бытия может стать настолько насущной, что отметет любые соображения (ограничения, запреты), препятствующие ее удовлетворению. Высказывание Дж. Райла: «Допущения, против которых я восстаю с особым пылом, – это допущения, жертвой которых когда-то был я сам» [18], подчеркивает силу стремления человека к тому, что он посчитал для себя сущностно важным; отказ от его достижения становится равноценен крайней степени аморальности, самоизгнанию из жизни, наполненной смыслом, и, разумеется, отказу от самоактуализации. Согласно логотерапии, человек может найти смысл собственного существования, переживая ценности – состояния любви, для которой секс необходим, поскольку является ее проводником.

«Возвращение полу
универсального
знания ... побуждает
разврат»

«Прозрения» человека, тяготеющего к инцесту, могут перекликаться с мнением Н.А. Бердяева о поверхностности наших представлений относительно развратности, аномалий половой жизни. «Наша поло-

вая жизнь есть сплошная аномалия, и иногда самое «нормальное» может оказаться развратнее «анормального» [19]. Н.А. Бердяев настаивает: «Неразделенная любовь – вина, грех против космоса, против мировой гармонии, против начертанного в божественном порядке андрогинного образа», и «только возвращение полу универсального значения, воссоединение его со смыслом жизни побеждает разврат» [20].

О том, что любовь – это такое качество и состояние человека, когда разделенность человека с Другим, а вместе с ней и сознание собственной никчемности исчезает, в силу ее способности преодолевать границы любого свойства, говорили многие мыслители. «Но где невыдуманная мною самим, наиболее безусловная, наиболее конкретная и непрестанно новая реальность, как не в живом человеческом лице вне меня?» (А.А. Ухтомский); любовь сама по себе есть величайшее счастье из всех доступных человеку. Вместе с тем она есть величайшее из обязательств человека, мобилизирующее все его мировые задачи как существа посреди мира, поэтому основным мотивом любой человеческой деятельности становится поиск и жажда живого Собеседника (Alter Ego и т.п.). Отсутствие такового, говорит А.А. Ухтомский, переживается человеком как непоправимая утрата, как внутренний изъян, как собственная неадекватность в мире, неумение жить целой, неабстрактной жизнью [21].

Идея мужской индивидуальности

О. Вейнингер, экстравагантный мыслитель со сложной судьбой, писал, что «любить можно только совершенство» [22] и что первоначально брак для мужчины – завершение идеальной любви, ее материализация, хотя в действительности оказывающаяся неудачной. «Брак, – говорит О. Вейнингер, – проникнут чисто мужским понятием о верности, которое предполагает непрерывность, умопостигаемое «я», нарушая брак, он тем самым заглушает в себе голос своей умопостигаемой сущности», «единобрачие своим возникновением обязано идее мужской индивидуальности, которая для своего полного завершения требует всегда одной и той же сущности» [23]. Но опять же, как и у Ж.-П. Сартра, – «индивидуальность – враг общения... Только этим объясняются половые извращения почти у всех выдающихся людей (садизм, мазохизм). Тут сыграло роль инстинктивное желание уклониться от полового акта, избежать телесного слияния, так как выдающийся человек видит в половом акте нечто большее, чем животный, мерзкий акт» [24].

Стиль и способ мышления человека определяют его сексуальное поведение

Очевидно, что стиль и способ мышления человека определяют его сексуальное поведение и, соответственно, выбор сексуального объекта. «Делание» из дочери жены может оказаться неспешным замещением некоего более достойного ему сексуального объекта не вполне подходящим, зато «своим», надежным. Именно дочь и есть тот единственный сексуальный объект, который может и должен быть его женой. Это конструирование идеальной реальности в логике человека, отравленного идеей поиска форм собственного совершенства, страдающего от его недостижимости, человека «думающего», рефлексизирующего, озабоченного поиском смысла происходящего и необходимостью что-то с собой делать (сделать) в этом мире. Склонный к инцесту человек, по-видимому, может быть, отнесен к тому типу людей, которые особенно ценят в жизни те события, когда с ними что-то случилось. Преодоление запрета – участие в «запредельном» – становится подтверждением выхода к аналогам подлинного и исключительного. Подобно тому, как в некоторых мифах, несмотря на нарушение табу, инцест имеет сакральный характер, служит проявлением повышенного эротизма героя, указывает на его особую силу и избранничество [25].

З. Фрейд считал, что эгоистичный человек влюблен в себя, он нарцисс, раз отказал другим в своей любви и направил ее на собственную особу. Спроектированную в умственном плане цель он, возможно, пытается примерить к разным женщинам, но в силу нарцисстической поглощенности неизбежно возвращается (смещается) к себе, и в собственной дочери он заметит не только внешние признаки подобия, а узнает единственно близкого себе человека; обращая свою любовь к дочери, он пытается избежать внутреннего упрека в эгоизме.

Счастье человека – быть любимым

Поскольку счастье человека – быть любимым, он должен будет пойти на критический, решающий эксперимент (равный по значимости «быть или не быть») над собой в выборе соответствующего его исходной цели объекта любви, который доставит счастье цели-целостности (отмечена семантическая связь цели и целого). Но он, «несчастнейший» (С. Кьеркегор), предчувствует, что «самое рискованное средство от любого рода несчастья – это женитьба не на том человеке» [26].

У Ж. Пиаже есть такое суждение: «Всякое психологическое объяснение рано или поздно завершается тем, что опирается на биологию или логику (или на социологию, хотя последняя сама, в конце концов, оказывается перед той же альтернативой)» [27]. В жене-дочери он находит как внешнее, так и внутреннее оправдание своим желаниям – как биологическое, так и логическое (экси-

стенциальное) объяснение влечения к ней. Комплекс Электры здесь может только аккомпанировать главному источнику инцестных побуждений отца, а именно поиску любви к себе при помощи «своей жены».

Влечение такого человека сходно с желанием совокупления с самим собой (в отражении дочери). К.Г. Юнг так и пишет: внутри него воля восстала на волю, он «всверлен в себя самого», т.е. ранен собственной стрелой – это совокупление с самим собой, своего рода самооплодотворение (интроверсия), вместе с тем и самоизнасилование, и самоубийство [28].

Он не хочет, чтобы его жену ему родил кто-то чужой... Создавши ее в своей голове, он символически становится ей и отцом, и матерью. Это напоминает миф о происхождении Афины – дочери Зевса, которая рождается из его головы (после того, как он проглотил свою беременную жену Метиду («мудрость», греч. metis, «мысль», «размышление»).

Поиск комфортного существования

Очевидно, что философско-психологические обоснования, которые человек может привлекать в пользу инцеста с дочерью, отражают актуальность и сложность нахождения человеком целостности и смысла существования, а не создаются для оправдания его инцестных побуждений и умозрительных построений в их пользу. Они могут стать идеогенными факторами, поддерживающими и усиливающими инцестные желания, при условии, если мы имеем дело с невротической личностью, испытывающей страх перед чужими. Известно, что во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение к действительности, представленной в этой идее: «Мысль – это не последняя инстанция. Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция» (Л.С. Выготский) [29].

Неслучайный инцест – это рационализация своего страха

По-видимому, «неслучайный инцест» (или «инцест в чистом виде») – это рационализация своего неверия и страха перед другими и перед сексом, в частности. А. Адлер писал, что «в душе невротика витает неосознанный страх перед половым партнером. Он подозревает, что половое сближение станет крушением его фикции, уничтожением его личностного чувства; его путеводной звезды в хаосе жизни. Он выставляет идеалы, чтобы обесценить действительность. Он как можно выше взвинчивает свое личностное чувство, часто по типу нарциссизма, чтобы заставить партнера казаться незна-

чительным» [30]. Отсюда амбивалентное отношение к женщине и столько запальчивости у «индивидуалиста» О. Вейнингера: «...выдающийся человек видит в половом акте нечто большее, чем животный, мерзкий акт».

С одной стороны, психологическая защита склонного к инцесту человека выражается здесь в вытеснении своего страха в сферу идеального посредством обоснования своего избегания «чужих жен» аргументами логического и экзистенциального свойства. Для него доказательство необходимости инцеста (разгадка смысла жизни) может оказаться равносильным разгадке задачи Сфинкса, после чего инцест для него становится роковым образом предопределен.

Связь инцеста с
гомосексуализмом

Отмечена взаимосвязь инцеста с гомосексуализмом (хотя последний, вероятнее всего, «инцестофилу» видится его противоположным замещением); В. Штекель, к примеру, описал многочисленные случаи гомосексуалистов, которые прибегали к парафилическим действиям как результату бессознательного бегства от инцеста [31]. Поэтому вполне возможно и обратное движение в результате подавления имеющихся у человека гомосексуальных побуждений – бегство от «гомосексуального разврата» в «мниморазвратную связь» инцеста, подкрепленную разоблачением фикций его запретов и усмотрением «сущностной необходимости» сексуальных отношений с дочерью.

Экзистенциальная
тревога

Экзистенциальная тревога стремится стать страхом, но для того, утверждает П. Тиллих, чтобы обрести объект, с которым сможет справиться самоутверждение и мужество человека. Невротическая личность, более чуткая к страху небытия и, следовательно, обладающая более глубокой тревогой, предпочитает фиксированный, хотя и ограниченный и не реалистический тип самоутверждения [32]. Осознание неизбежности решиться на индивидуальное-самостоятельное существование, самостоятельную жизнь, необходимость прервать свою инфантильную связь с прошлым у невротика рождает страх смерти, обусловленный отрывом от общего – семейного, родового. Поэтому, считал К.Г. Юнг, инцест лишь отчасти имеет половой характер, в другой части он имеет значение функции самосохранения [33].

Мужества отца, очевидно, хватает на то, чтобы вызвать в себе отвращение к гомосексуализму, удержать себя от него, но лишь, если взамен получит возможность остаться в круге «себе подобных». Таким образом он локализует свой страх, оформляет своим ограничивающим себя выбором, создавая иллюзию его

подконтрольности. Фиксация на себе дочери (путем создания «семьи в себе») – один из способов такого самоутверждения, мотивированного потребностью в самосохранении. Она есть результат боязни окружающего мира вследствие неудач предыдущих попыток согласования и интеграции своих желаний с внешними обстоятельствами, а также острой потребности хоть как-то преодолеть «экзистенциальный вакуум» и противостоять ему средствами этого же мира.

Психологический
гибрид отца и мужа

Безуспешность его усилий подражания высшему – в несоответствии заданного и данного. Минимизация собственных усилий к встрече с неизвестным при максимуме потребности в смысле обречена на неудачу. Отец, вступивший в сексуальную связь с дочерью, психологически перестает быть отцом, возникает психологический гибрид ненастоящего отца и ненастоящего мужа – «чужого отца». Своими действиями он не только подтверждает желание покинуть большой мир и свою неспособность реализовать себя в нем, но и сублимированное желание вернуться в уютность детства, поэтому это также свидетельствует о регрессии, возвращении к детской сексуальности. Взросление мужчины З. Фрейд связывал со способностью изживания эдипова комплекса; однако, хотя «инцестофил», возможно, преодолел влечение к матери, психологически он все еще остался в кругу семьи. Угасание «ядерного комплекса» связано с тем, что он должен был не поделиться с отцом своей матерью, но «отпустить ее к отцу», «отдать» ему мать. Освободившись от идентификации с отцом, сын освобождает себя для своей жены, предотвращая с дочерью или матерью любовные отношения, которые могут возникнуть у «инцестофила» на почве родственных связей. Расставание с эдиповым комплексом, говорил З. Фрейд, подобно выпадению молочных зубов, когда начинают расти коренные. А чтобы стать взрослым, писал К.Г. Юнг, «должна произойти замена матери миром» [34].

Самоограничив поиск сексуального объекта и отказавшись от кровосмешения с «чужими» женщинами, он рационализирует причину своего влечения к дочери-жене, созданной им самим. Чтобы пойти на инцестуальный конфликт с общепринятыми нормами, человек должен быть захвачен сильным желанием обладания определенным сексуальным объектом, которое позднее вынужден будет оправдывать «сильной идеей». В этом смысле, он отчасти подтверждает взгляд З. Фрейда на философию как на благопристойную форму сублимации репрессированной сексуальности. Кроме того, здесь, очевидно, присутствует замеченное А. Адлером:

«...часто в невротическом стремлении мужчины – быть у жены первым – прячется страх перед женщиной, обусловленный ощущением дефицита мужественности» [35]. Невротик отказывается от полного эротического переживания, чтобы иметь возможность остаться ребенком, и «то, что он считает любовью, есть просто слабость, далекая от того, что в действительности можно назвать этим именем» (К.Г. Юнг) [36].

Заблуждение и ересь
экзистенциального
поиска

К инцесту с дочерью он не только «подталкивается сзади» неуютностью мира, чувством одиночества в нем (отрицательные эмоции), но и «подтягивается сверху» самотрансцендентностью (предвкушением положительных переживаний встречи со смыслом своего существования). Заблуждение и ересь, в которую впадает его экзистенциальный поиск, – в желании обрести покой, а не выйти мужественно навстречу неизвестности. Поглощенность собой обессиливает его, потому что «эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, более того, по сути он себя ненавидит. Из-за отсутствия созидательности, что оставляет его опустошенным и фрустрированным, он неизбежно несчастен и потому судорожно силится урвать у жизни удовольствия, получению которых сам же и препятствует» (Э. Фромм) [37].

Поиск своего
alter ego

«Человек, – говорил А.А. Ухтомский, – в конце концов, ведь ищет более всего «ты», своего alter ego, а ему вместо того подвергается все свое же «я»; «я» все не удается выскочить из заколдованного круга со своим собственным Двойником, к подлинному «ты», т.е. к Собеседнику» [38]. Он не смог отказаться от доминанты на себе, поэтому и пришлось вырабатывать оправдания инцеста, и в этом безуспешность и дефектность его поиска. Поэтому не исключено, что мужчины, склонные к выбору себе в сексуальные партнеры женщин или намного старше себя, или намного младше себя (когда они в той или иной степени занимают подчиненную позицию ребенка или доминирующую позицию родителя, но не взрослого, равного), могут оказаться среди тех, которые трансформированно удовлетворяют свои инцестуальные желания. Разумеется, в случаях значительной возрастной асимметрии сексуальных партнеров необходимо учитывать не только их биологический возраст.

«Зрелый человек, – пишет Э. Фромм, – внешне становится свободным от материнского и отцовского влияния, но он включает его в свою сущность, запрятывает внутрь. Однако вопреки фрейдовскому понятию сверх-Я, он делает это, не повторяя мать и отца, а строя свое материнское сознание на основе собственной спо-

способности любить, а отцовское сознание – на своем разуме и здравом смысле. Более того, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское чувство, несмотря на то, что они, казалось бы, противоположны друг другу, в их окончательном синтезе состоит основа душевного здоровья и зрелости. Отсутствие гармонии в этой сфере является главной причиной неврозов» [39]. Не влево и не вправо, не вниз и назад – к матери и не вверх – к мнимому отцу (т.е. к себе), а прямо – к своему Другому лицу, с готовностью узнать и принять его как другую недостающую свою половину, чтобы открыть себе возможность и доверие прожить свою жизнь.

Путь
к индивидуальной
инцестной
концепции

Представляется, что выявление основных мотивов человека, приводящих его к инцесту (инцеста, очищенного от разного рода «примесей» – «плохая жена», «дочь спровоцировала сама», «напился» и т.д.), может помочь точнее оценить значение внешних и внутренних провоцирующих факторов в конкретных случаях кровосмешительства, лучше понять, как формировалась индивидуальная инцестная концепция человека, которая расчищала ему путь к сексуальным отношениям со своей дочерью.

1. *International Criminal Police Review*. 1985. June-July. № 389. P. 147–158.
2. *Howitt D. Paedophiles and Sexual Offences Against Children*. Chichester-N.Y., 1995. P. 237–244.
3. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1988. С. 93.
4. *Лэйнг Р.* Разделенное Я (Экзистенциальное исследование душевного здоровья и сумасшествия) // *Логос: Философско-литературный журнал*. 1992. №3. С. 176.
5. *Howitt D. Paedophiles and Sexual Offences Against Children*. Chichester-N.Y., 1995. P. 241–243.
6. *Юнг К.Г.* Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 171.
7. *Юнг К.Г.* Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 382.
8. *Sartre J.-P.* L'Être et le Neant. Paris, 1943. P. 477.
9. *Насилие над детьми в Латвии* // *Насилие над ребенком*. Рига, 1997. С. 19.
10. *Lacan G.* Fonohondu champ de la parole et du l'Inga-gscenpsychanaly.se. In: *Berks Seuil*, P., 1966. P. 237–322.
11. *Гегель Г.В.Ф.* Эстетика. М., 1969. Т.2. С. 253.
12. *Sartre J.-P.* L'Être et le Neant. Paris, 1943. P. 431–502.
13. *Ухтомский А.А.* Письма // *Пути в неизвестное*. М., 1973. С. 414–415.

14. Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989. С. 93.
15. Там же. С. 94.
16. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности: Тексты. М., 1982. С. 119; Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 303.
17. Ухтомский А.А. Письма // Пути в неизвестное. М., 1973. С. 406.
18. Цит. по: Хилл Т.Н. Современные теории познания. М., 1965. С. 477.
19. Бердяев Н.А. Эрос и личность. Философия пола и любви. М., 1989. С. 94.
20. Там же. С. 94–95, 93.
21. Ухтомский А.А. Письма // Пути в неизвестное. М., 1973. С. 381–435.
22. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиально-теоретическое исследование. СПб., 1913. С. 241.
23. Там же. С. 203.
24. Там же. С. 278.
25. Левинсон Г.А. Инцест // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 546.
26. Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб., 1991. С. 244.
27. Пиаже Ж. Психология интеллекта // Избранные психологические труды. М., 1969. С. 61.
28. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 292.
29. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 2. С. 22, 357.
30. Адлер А. О нервическом характере. СПб.; М., 1997. С. 328–329.
31. Цит. по: Каприо Ф. Многообразие сексуально-го поведения. М., 1995. С. 214.
32. Тиллих П. Патологическая тревога, витальность и мужество // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 2. С. 114.
33. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 263–264, 383.
34. Там же. С. 384.
35. Адлер А. О нервическом характере. СПб.; М., 1997. С. 311.
36. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. СПб., 1994. С. 383.
37. Фромм Э. Искусство любить. М., 1990. С. 78.
38. Ухтомский А.А. Письма // Пути в неизвестное. М., 1973. С. 388.
39. Фромм Э. Искусство любить. М., 1990. С. 60.

